

**Правовой опыт маркирования «невидимизированных» религиозных
стигматизаций (по материалам ПСЗРИ)**

Научный руководитель – Аринин Евгений Игоревич

Волкова Валерия Евгеньевна

Студент (бакалавр)

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия

E-mail: volkova170204@outlook.com

Данное исследование посвящено религиоведческому анализу части текстов, находящихся в составе первого тома первого собрания Полного Собрания Законов Российской Империи (далее - ПСЗРИ-1-1), взятого как правовой источник, фиксирующий важные и «невидимизированные» религиозные сообщества, описываемые в терминах нормы или стигматизации. Работа входит в состав исследований по гранту РНФ «Понятийный аппарат религиоведения: концептуализация практик дистанцирования и парадоксы “невидимизации” (религионимы “нормативного”, “маргинального”, “девиантного”)» (грант РНФ № 25-28-01204) [4].

Впервые термин «невидимизация» упоминается немецким социологом Никласом Луманом (Niklas Luhmann, 1927-1998) в работе «Общество общества» («Gesellschaft der Gesellschaft»), как «unmarked state» наблюдателя [3]. Феномен «невидимизации» имеет два основных аспекта, первый из которых связан с отмеченной Н.Луманом фундаментальной невозможностью для каждого индивида в один и тот же момент времени наблюдать явления, происходящие в окружающей действительности, и, одновременно, собственное наблюдение за этими явлениями, что, тем самым, в целом, остается «невидимым» [2, с.113]. Второй аспект этого феномена состоит в признании сложившегося в глубокой древности и принципиального, утверждаемого авторитетом Писания, представления о невозможности наблюдать Бога, «богов Олимпа» или «сакральное» как таковое, которые всегда остаются незримыми и непостижимыми аспектами реальности («Бога никтоже виде нигдеже», Ин.1:18) [1, с.16]. Используемая методология Н.Лумана выступает как синтез подходов конструктивного коммуникативизма, концепции «аутопойезиса» и ряда других к описанию и анализу т.н. «ведущих различий», в том числе и тех, которые исторически формировались в конфессиональной среде, отделяя «религию» от «суеверия» (Цицерон), «веру» от «зловерия» (Феодосий Печерский), «православных» от «мятежниками против церкви» (Соборное уложение) и т.п.

Рассматривая данный феномен на примере ряда текстов ПСЗРИ, относящихся к XVII столетию, можно заметить, что религиозная стигматизация «невидимизировалась» в документах, которые предписывали различные виды применяемых наказаний за религиозные «отклонения от нормы» (порка, высылка и мн. др.), поскольку последней считалась только принадлежность к «истинно православной Христианской вере Греческого закона» [5, с.343], защищаемой «ратными людьми царствующего града Москвы». При этом, с одной стороны, Крымский хан Мехмед Гирей (IV Mehmed Geray; Sofu Mehmed Geray, 1610—1674), последователь традиции Сунны, мог именовать русского царя «братом Нашим» в «шертной записи» 1654 года («клятвенной грамоте», «ярлыке») [5, с.354], что было дипломатической нормой. В этом же году началась «Московская чума» (1654-1655), когда сообщалось, что «моровое поветрие в Москве усиливается и православных христиан остается немного», многие бежали из столицы [6]. С другой, «полоняниников», взятых в ходе многочисленных русско-польских военных противостояний того времени, в том числе,

при осаде Смоленска (1654), к числу которых относились «Литовские люди, Католиция Смятския вры (смоленские католики), и Жидаы, и Мурзы и всякие некрещенные люди», предписывалось тщательно расспрашивать об их «вре» [5, с.350]. Так, к примеру, в статье «148. — Марта 7. Именный. — О высылк изъ Калуги въ Нижній Новгородъ Литовцевъ и Жидовъ» [5, с.359], демонстрировались подозрительность и предвзятость к достаточному количеству новых потенциальных подданных. Подтверждая вышесказанное, обратимся к статье предписывающей проводить «повальные обыски» меньшинств по их вере, в то время как православных церковных служителей - опрашивать «по обещанию»: «... а Князи, и Мурзы, и Татары, и Чувашие, и Черемисою, и Вотяки и всякими ясачными людьми по ихъ вр по шерти...» [5, с.41].

Можно сделать вывод, что документы из базы ПСЗРИ являлись важным инструментом не только для правового регулирования, но и для формирования общественного мнения о религиозных меньшинствах, ранее невидимых для власти.

Источники и литература

- 1) Аригин Е.И., Волкова В.Е. Феномен маски между невидимизацией и визуализацией воображаемого «незримого» (религиоведческие аспекты) // Свеча. 2023. № 40. С. 14-22.
- 2) Аригин Е.И., Волкова В.Е. Маска в эпоху цифровизации: между визуализацией сакрального и невидимизацией истинного // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. №3. Т.2. С. 108-117.
- 3) Луман Н. Самоописания / пер. с нем. А Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. — М.: Логос; Гнозис, 2009. — 320 с.
- 4) «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01204, <https://rscf.ru/project/25-28-01204/>
- 5) Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. - СПб., 1830.
- 6) Режим доступа - [Электронный ресурс]: https://pikabu.ru/story/moskovskaya_chuma_16541655_gg_8613663 (Дата обращения 27.02.2025)